

Вы слышали когда-нибудь, как сталь входит в плоть?

Поначалу лезвие кажется ледяным, но, разрывая ткани, оно мгновенно обдает жаром.

— Что ты творишь?! — Ачамоло в ужасе распахнул глаза. Он попытался перехватить руку юноши, но не успел: Цзян Жуцзин молниеносно вонзил клинок в собственный живот и тут же выдернул его.

Кровь хлынула из раны, мгновенно пропитав одежду. Ачамоло в панике прижал ладони к разрезу, пытаясь унять кровотечение. На его вскрик сбежались остальные.

— Боже, что здесь происходит? — Ань Тин в шоке прикрыла рот ладонью. Опираясь на костыль, она пихнула локтем Дэн Цина, который истошно вопил: «Мой нож! Я не для этого тебе его давал!», и рявкнула: — Заткнись! Тащи аптечку!

Дэн Цин с нескрываемой болью посмотрел на свой многострадальный клинок, после чего гаркнул на подчиненного:

— Чего застыл? Аптечку неси, живо!

Ли Ле, хоть и стоял спиной, ни на миг не терял бдительности, прислушиваясь к каждому шороху со стороны Цзян Жуцзина и Ачамоло. Обладая феноменальным слухом, он в то же мгновение, когда нож вышел из раны, почувствовал неладное. Обернувшись, он увидел, как холодная сталь покидает тело юноши.

Он вздрогнул — или, возможно, лишь сделал вид.

В следующую секунду он, изображая крайнюю степень паники, бросился вперед. Выхватив из рук солдата аптечку, Ли Ле рухнул на колени рядом с Цзян Жуцзином. Дрожащими руками он доставал бинты, нитки и мази, тщетно пытаясь сохранить самообладание. Не проронив ни слова, он принялся обрабатывать рану.

[Система №2! Быстро, проснись!]

[Ну чего тебе? Опять дядюшку среди сна беспокоишь!]

[Используй свой калькулятор и проанализируй: зачем он сам себя пырнул? Что за этим стоит?]

[Кто? Сейчас гляну... Э? Эти ментальные колебания... Мать твою! Цзян Чэн? Что он здесь забыл? Ли Ле, кобель ты этакий, признавайся! Что ты натворил?] — маленький пухлый комок в сознании Ли Ле мгновенно взорвался от негодования.

«Я-то тут при чем? Сначала проанализируй ситуацию, я чую подвох», — Ли Ле мысленно изобразил полную невинность.

[Ты явно что-то от меня скрываешь, раз он преследует тебя из мира в мир! Выкладывай всё как на духу!]

Пока в голове Ли Ле шел жаркий спор с системой, Цзян Жуцзин, игнорируя его лицо, полное фальши, обернулся к Ачамоло.

— Я просто показываю тебе, — Жуцзин горько усмехнулся. — Вот что он со мной сделал.

В неверных отсветах костра его лицо казалось пепельно-серым — то ли от потери крови, то ли от невыносимой боли в душе.

— «Я просто показываю тебе, что он со мной сделал»...

— «Зачем ты это сотворил?»

— «Я просто показываю...»

Ачамоло застыл, пораженный до глубины души.

Жуцзин вымучил улыбку:

— Скажи мне, как я могу не гневаться? Как мне не скорбеть? Как мне его не ненавидеть?

Ли Ле, затягивавший узел на бинтах, замер. Он поднял взгляд:

— Зачем ты так наказываешь себя? Если ненавидишь меня — вонзи клинок в мою грудь! — Он рванул на себе куртку. — Сюда! Прямо в сердце! Я жду! — Его взор упал на окровавленный нож, и лицо осунулось. — Но прошу тебя... не истязай себя больше.

Эти слова прозвучали так искренне, что Жуцзин на миг почти поверил в его глубокую любовь. Но он не обернулся к Ли Ле. Он продолжал сверлить взглядом Ачамоло.

— Тебя когда-нибудь убивал тот, кого ты любишь больше жизни? — тихо спросил он.

Ачамоло, приоткрыв рот, медленно покачал головой.

— Ха, — Жуцзин коротко и страшно рассмеялся, после чего его лицо стало пугающе

спокойным. — А ему это удалось.

Ли Ле почувствовал, как пальцы непроизвольно сжались. «Проанализировал?»

[Динь — анализ завершен. Результаты:

1. Объект хочет продемонстрировать твою жестокость и вызвать у тебя чувство вины — 92,47%.

2. Объект притворяется жалким, чтобы добиться твоего сочувствия — 6,92%.

3. Объект...]

«Стой! Вторая версия!»

[Объект притворяется жалким, чтобы добиться твоего сочувствия — 6,9...]

«Притворяется жалким? Пытается вызвать жалость?»

[Вероятность крайне мала.]

Ли Ле сощурился, внимательно вглядываясь в выражение лица Жуцзина.

«Знаешь, Система, я побеждаю раз за разом именно потому, что умею воображать невозможное».

[А? Что ты имеешь в виду?]

«То, что твои данные ограничены логикой обычного человека. А я вижу то, что скрыто за гранью».

Сейчас он походил на охотника, выслеживающего добычу. Он хотел просчитать каждое движение Жуцзина, чтобы выпустить отравленную стрелу.

Жуцзин внезапно почувствовал, как по спине пробежал холодок, словно на него уставился сам дьявол. Инстинкты, закаленные в бесчисленных битвах на грани жизни и смерти, кричали: за ним наблюдают.

Ли Ле. Это точно Ли Ле. Если это он, то сейчас он наверняка анализирует его и пытается угадать следующий шаг. Жуцзин изо всех сил старался сохранить маску непоколебимости, лихорадочно соображая, как не дать врагу разгадать свой замысел.

А что, если подыграть ему?

Жуцзин обернулся и встретился с этим взглядом — полным мнимой заботы, но на деле пронзительно-испытующим.

— Зачем ты подошел?! — выплюнул он. — Я не желаю тебя видеть! И слушать твои бредни — тем более! — Его взгляд упал на перевязку. Жуцзин потянулся к бинтам, намереваясь их сорвать. — Мне не нужна твоя жалость!

Увидев, как сквозь белую марлю снова проступают алые пятна, Ли Ле в панике перехватил его руки:

— Я уйду! Уйду! — В его голосе смешались боль и фальшивая нежность. — Только не истязай себя, умоляю...

С этими словами он отдернул руки, бросил последний взгляд на Жуцзина и отошел.

Солдаты провожали «капитана Сина» сочувственными взглядами. Его спина казалась надломленной. Глядя на него, каждый подумал: правду говорят — даже герои бессильны перед любовью.

[Уровень расположения повысился на 0,002! Так держать!]

Баллы — это жизнь, и эта новость заставила Ли Ле ликовать в душе.

«Да!»

Жуцзин опустил глаза, чувствуя, что ледяной взгляд охотника исчез. А тот, кто только что изображал разбитое сердце, ухмыльнулся в тени.

«Интересно, что заставило гордого Даоцзуня Жуцзина отбросить свою спесь и выставить свою боль напоказ?»

Ли Ле не спеша достал банку консервов, вскрыл её вилкой и принялся медленно есть.

[Так каков твой вердикт? Зачем он это сделал?]

«Он меня копирует».

[В смысле?]

«Он понял, что я давлЮ на жалость. И теперь делает то же самое. То, что делаю я, делает и он. Перед кем красуюсь я — перед тем красуется и он».

Ли Ле размял кусочки рыбы в кашицу, разбавил теплой водой и выпил. «А ничего, съедобно».

Крайним зрением он отметил, как Ачамоло смотрит на юношу, и продолжил трапезу с самым невозмутимым видом.

«Ну что ж, посмотрим, как далеко готов зайти Даоцзунь Жуцзин. В конце концов, пока он не мешает моим планам, пусть развлекается как хочет».

Жуцзин провожал Ли Ле взглядом, в котором смешались противоречивые чувства. Солдаты лишь сокрушенно вздыхали.

Дэн Цин, почесав затылок, подошел ближе:

— Послушай, парень... Мне кажется, вам просто нужно поговорить начистоту. — Заметив, что Жуцзин всё еще смотрит в сторону капитана, солдат осторожно потянулся за своим ножом, лежащим на земле.

Внезапно Жуцзин обернулся. Их взгляды встретились. Юноша холодно посмотрел на руку Дэн Цина, замершую над рукоятью. Тот смущенно постучал пальцами по обуху клинка:

— Я просто хотел сказать... Нож-то в крови, грязный теперь. Может, я тебе другой дам? — Он отчаянно замигал напарнику. — Вон у Ли Тая отличный клинок, ручная работа! Закаленная сталь!

— Забирай, — тихо сказал Жуцзин.

— Да это же настоящая сталь! На века... а? — Дэн Цин осекся, осознав, что ему ответили. Лицо его озарилось восторгом. — Правда?

Жуцзин не просто вернул оружие, но и виновато добавил:

— Прости, что забрал его у тебя без спроса.

Дэн Цин застыл с открытым ртом. Этот Жуцзин казался ему нереальным. По идее, он должен был либо врезать ему, либо смерить ледяным презрением.

Дэн Цин, сияя от счастья, унес свою драгоценность к товарищам. У костра остались только двое: Жуцзин и Ачамоло.

Жуцзин едва коснулся пальцами аккуратного бантика на повязке. Голос его прозвучал совсем тихо:

— Ты ведь тоже думаешь, что я жалок?

Ачамоло озадаченно посмотрел на него:

— Как бы сказать... ты ведь уже спрашивал об этом.

— А? Разве? — Жуцзин растерялся.

— Расскажешь мне свою историю? — мягко спросил Ачамоло.

Жуцзин, разумеется, не хотел ничего рассказывать. Он просто отвернулся, погрузившись в молчание. Ачамоло ничуть не обиделся. Он тепло улыбнулся и произнес:

— Тогда я расскажу тебе его историю.

И это была история, которой Жуцзин не знал — история Будды.

Странствующий монах по имени Монапо был брошен родителями в день своего рождения. Младенца, положенного в деревянный таз, пустили по воле волн. Река принесла его к стенам полуразрушенного храма.

В том храме жили лишь двое: хромой монах-уборщик и старый слепой настоятель.

Слепому старцу приснился сон, будто весь мир озарился божественным светом. Он велел хромому монаху с утра пойти к реке и ждать — мол, придет великая судьба, которую нужно принять.

Хромой монах действительно выловил таз с мирно спящим младенцем.

Когда он попросил настоятеля дать ребенку буддийское имя, старец отказался. Он сказал, что не обладает достаточной добродетелью, чтобы нарекать «живого Будду». Той же ночью младенец открыл глаза и, увидев людей, зашелся в радостном смехе. Звуки его смеха походили на три слога из древней сутры: Мо-на-по.

Мир внешний — безжалостен, путь внутренний — полон чувств. Истинное «я» — вне оболочки.

Слепой настоятель, чей слух был острее зрения, внезапно всё понял и произнес имя младенца — Монапо.

Так Монапо рос в этом заброшенном храме. С малых лет он изучал сутры со старцами, ходил за милостыней. На дворе стояли смутные времена: люди страдали от голода и войн. Видя всё это, десятилетний Монапо поклялся спасти мир.

Но тогда он был лишь обычным послушником.

Старый настоятель сказал ему: «Принеси мне четки».

Монапо выпросил четки у хромого монаха и принес их старцу. Тот даже не коснулся их, лишь покачал головой: «Это ты выпросил. Это не те четки, что мне нужны».

Монапо долго рылся в кладовой, нашел разрозненные бусины, нанизал их на нить и снова принес. Настоятель указал на главную бусину: «Из чего она сделана?». Монапо не знал. Старец снова покачал головой: «Ты не ведаешь, что держишь в руках. Это не те четки».

...

— «Слишком поспешно, не они».

— «Взято в суете — не годится».

— «Куплено у торговца — забудь».

— «Случайная находка — не твоя вещь».

— «Сердце в смятении — тишина ценнее звука!».

Два года Монапо искал, перепробовал сотни вариантов, но ни один не устроил учителя.

Он продолжал делать самую тяжелую работу: сажал саженцы бодхи, колот дрова — день за днем. Однажды, когда его очередные четки были отвергнуты, он сел под тем самым деревцем бодхи и просидел неподвижно трое суток.

После этого он собрал вещи и попрощался со старцами. Он решил отправиться на поиски единственного в мире материала, чтобы создать единственные в своем роде четки.

— И он нашел их? — спросил Жуцзин.

Взгляд Ачамоло стал далеким, а голос — твердым и уверенным:

— Нашел.

В год, когда ему исполнилось двадцать четыре, в одну бурную грозовую ночь он споткнулся о камень. В ту же секунду на него снизошло озарение: тот материал, что он так долго искал, был дарован ему самой случайностью в этом ливне.

Сжимая в руках черный камень, он вернулся в храм своего детства. Он начал обрабатывать камень голыми руками — кусая зубами, ломая пальцами, стирая кости.

В первый год он, не пользуясь инструментами, расколол камень на сто восемь осколков разного размера.

Во второй год он начал шлифовать эти осколки подушечками пальцев и ладонями. Бесконечная шлифовка... Кровь и пот впитывались в грубую черную породу, а ладони покрывались бесчисленными мозолями.

К девятому году он смотрел на сто восемь идеально гладких бусин, не зная, что делать дальше. Однажды в храм ворвались мародеры. Защищая старого настоятеля, Монапо лишился двух пальцев. Но учителя спасти не удалось: старец принес себя в жертву, чтобы накормить обезумевших от голода солдат.

Когда мародеры ушли, Монапо подобрал свои отрубленные пальцы, выточил из костей иглу и начал просверливать отверстия в своих бусинах.

К двенадцатому году он, одетый в лохмотья, принес к статуе Будды четки, сияющие неземным черным блеском. Хромой монах посмотрел на него и сложил ладони в приветствии.

— А он силен, — нехотя признал Жуцзин. Создать такое — это больше, чем просто упорство.

Ачамоло понимающе улыбнулся и сложил ладони.

В тридцать шесть лет Монапо покинул храм и отправился проповедовать. Он верил, что это единственный способ спасти людей. Он шел из деревни в деревню, переходил реки и горы, спасая тех, кто был на грани смерти, кто очерствел душой. Вера объединяла людей и разлеталась по миру.

Всё больше людей находили опору в религии среди ужасов войны. Всё больше людей верили, что Будда спасет мир.

Но вместе с тем многие поняли: контроль над верой — это контроль над душами.

В сорок лет Монапо спас человека в разбитых доспехах.

Это был Мокэцзе Юэняо. Человек, которому предстояло покорить земли между двумя реками и основать великую династию. Но тогда он был лишь молодым военачальником, потерпевшим сокрушительное поражение.

— И Монапо помог ему, — заметил Жуцзин. В голове промелькнула мысль: наверняка Ли Ле тогда решил «пройти» сценарий с Мокэцзе.

— Да. — В глазах Ачамоло вспыхнуло благоговение. — Он решил помочь.

Монапо видел, как страну рвут на части амбициозные князья, видел слезы людей под копытами конницы, видел бесконечный пожар войны. Сегодня — союз, завтра — предательство. Он понял: одними проповедями эту землю не спасти.

«Пусть я омою руки в крови невинных, пусть мои решения пойдут вразрез с совестью, но этой земле нужен правитель. А когда всё кончится — пусть боги и демоны судят меня!» — перебирая черные бусины, он мягко и бесстрашно улыбался. За долгие годы он привык разговаривать со своими четками.

Приказы срывались с его губ, города и села падали под натиском его армий. Тысячи людей гибли в пламени войны, затихая под его сострадательным взглядом и звуками мантр.

Единственным существом, перед которым он раскрывал душу, были эти четки. И только они были свидетелями его сомнений, его боли, его мучительных терзаний и его истинного сердца.

«Мои грехи тяжки, мне не искупить их и за тысячи жизней», — молился он в лучах закатного солнца. — «Лишь бы наступил мир и процветание. И ещё... лишь бы мне снова встретиться с тобой».

Ачамоло взглянул на Жуцзина. Тот сидел, опустив глаза, его грудь неровно вздымалась.

— Всю свою жизнь он искал одного человека. Того, кого звали Даоцзунь Жуцзин.

Прошло еще два раза по двенадцать лет. В империи воцарился покой. Династия Превосходящей Птицы стала настолько могущественной, что соседи не смели даже косо взглянуть в её сторону. Мокэцзе и Монапо распустили армии, занялись торговлей и искусством.

Влияние Монапо достигло пика. Голос веры звучал в каждом уголке империи и даже за её пределами. Мокэцзе осыпал друга почестями и втайне поклонялся ему как божеству.

Царь лично сопровождал Монапо в храм его детства — Буддийский храм Кхалан. Там старый хромой монах встретил их с полным спокойствием. Мокэцзе отстроил храм заново, превратив его в величественную обитель, и по всей стране начали расти монастыри.

Монапо стал для народа живым воплощением Будды.

Но сам он заперся в своей старой крохотной келье. Он молился за сохранение мира и... за невозможную встречу.

Почему он так ждал её?

Четки не понимали. Они лишь день за днем слушали, как этот великий наставник, спасший миллионы жизней, в полночный час или в предрассветных сумерках у реки Цзило шепчет одно-единственное имя. Словно это имя было его последним якорем в этом мире.

— Якорем... — Жуцзин горько усмехнулся.

Ачамоло смотрел на него чистым, ясным взглядом. Увидев эту усмешку, он печально покачал головой:

— Он так и не дождался. До самого своего ухода.

Мокэцзе обезумел от горя.

Он старел. Волосы поредели, зубы выпали, спина ссутулилась. Ни нежная кожа юных наложниц, ни тончайшие вина не приносили ему радости. А его друг и наставник Монапо... Тот оставался молодым. Время словно застыло, не смея коснуться его лица. Монапо был прекрасен, как в день их первой встречи, а Мокэцзе превращался в прах.

«Монапо, старый друг, глядя на тебя, я словно возвращаюсь в те дни, когда мы были молоды. Годы идут, а ты совсем не изменился», — говаривал старый царь.

Монах сидел под деревом бодхи — чистый, отрешенный от мирской суеты.

«Всё это — лишь милость Будды», — отвечал он.

Царь еще яростнее вцепился в веру, видя в ней спасение от смерти. Он совершал благие дела, запрещал жестокость, но при этом безжалостно сжигал на кострах тех, кто не проявлял должного почтения к святыням. Он свято верил: если будет достаточно преданным, Будда одарит его бессмертием, как Монапо. А если не в этой жизни, то в следующей.

Жуцзин фыркнул:

— Стать Буддой не так-то просто.

Ачамоло кивнул:

— Истинно так. Он не только не достиг просветления, но и породил демонов.

Крайности всегда ведут к краху. Когда власть религии стала абсолютной, государство начало гнить изнутри. Народ, уставший от гнета фанатиков, восстал. Младший сын Мокэцзе, царевич Чжаньдуоло, и его верный министр Юболо возглавили бунт против тех, чьим покровительством они сами когда-то пользовались.

А потом Монапо умер. Внезапно.

Четки видели торжествующую улыбку на губах Чжаньдуоло. Вспоминая слова хозяина, сказанные накануне, они содрогались от безмолвной скорби. Монапо знал, что чай отравлен, но выпил его до капли, словно изысканное вино.

«Когда-то я разжег войну и пал в бездну гнева. Из-за этого я потерял его. Возможно, мне суждено провести тысячи лет в аду, чтобы в новом воплощении сбросить этот священный сан и наконец встретиться с ним снова».

Смерть великого наставника вызвала хаос и восстания по всей стране. Чжаньдуоло мгновенно захватил власть, уничтожая храмы один за другим. Вскоре и старый царь последовал за своим другом.

Эпоха Монапо закончилась, а вместе с ней ушло величие религии. Чжаньдуоло, словно вымещая годы накопленной ненависти, крушил святыни, не слушая возражений Юболо. Он заживо сжигал монахов в их собственных обителях и даже построил специальный монумент, чтобы запечатлеть эти зверства и внушать ужас. Отрицание веры стало новой модой.

Но самое страшное случилось, когда они сожгли единственный дом наставника — Буддийский храм Кхалан — и поклялись развеять его шареры по ветру.

И тогда пришел гнев истинного божества.

Страшная кара обрушилась на империю. Река-кормилица пересохла. Солнце выжигало землю так, что плавилась камни. Цветущие поля в мгновение ока превратились в безжизненную пустыню. Золотые пески засыпали столицу, принося с собой болезни. Люди кашляли кровью, мор уносил миллионы жизней. Землетрясения, саранча, голод... За несколько лет великая держава превратилась в руины.

И тогда люди вдруг вспомнили о Будде. Они начали взывать к нему, моля о прощении. Но на этот раз небеса молчали.

— Так им и надо! — процедил Жуцзин.

Ачамоло глубоко вздохнул, его лицо исказилось от боли:

— Ответ на ненависть ненавистью никогда не принесет мира.

Жуцзин лишь пренебрежительно хмыкнул.

Династия Превосходящей Птицы пала. Четки смотрели на горы трупов и, сжимая в руках священные тексты, вдруг осознали, что натворили. Они зашлись в рыданиях.

Всю оставшуюся жизнь они искупали этот грех. Тысячу лет они странствовали по этим землям, спасая нуждающихся и творя добро. И наконец, спустя века, словно получив прощение, они встретили своего господина, отбывшего срок в аду. И увидели вашу встречу.

«Как прекрасно», — думали они. — «Пусть мир не стал таким, как ты мечтал, но после тысячи лет мучений ты наконец нашел его».

История звучала действительно трогательно. Теперь Жуцзин окончательно понял правила игры Ли Ле.

Эта маленькая бусина от рождения была наделена божественной искрой. Она любила весь мир, но не себя; она чувствовала чужую боль сильнее собственной. Ли Ле просто нужно было страдать, чтобы четки страдали вместе с ним, и любить, чтобы они любили в ответ.

Ли Ле устроил представление длиной в тысячу лет. Как его превзойти? Как перетянуть на свою сторону сочувствие этой бусины? Особенно учитывая, что Жуцзин меньше всего на свете хотел, чтобы его жалели. И особенно то, что эти четки были буквально выточены руками Ли Ле!

Ачамоло смотрел на него с бесконечной добротой:

— Он так хорош и так долго искал тебя... Может быть, тебе стоит повнимательнее присмотреться к нему?

Жуцзин крепко зажмурился. Он страстно желал разрушить козни Ли Ле, но не хотел раскрывать перед этой бусиной жестокую правду. И тем более не хотел выставлять напоказ раны своей души.

Он должен оставаться собой. Гордым Даоцзунем Жуцзином, который презирает любые уловки.

Но... он обязан победить Ли Ле.

«Ну что ж, раз надо меняться — пусть. Какая теперь разница?»

«Раз надо ломать — сломаю. Что с того?»

Разве не было ему легко, когда он вонзил нож в себя? Так чего теперь колебаться?

«Я тоже так умею», — подумал он. — «Я стану таким же, как ты. Только так я смогу одолеть тебя. И... уничтожить».

Он открыл глаза. В свете костра и луны его лицо казалось мертвенно-бледным.

— Знаешь ли ты, что он со мной сделал? — спросил Жуцзин. — Мы встретились задолго до того, как он нашел тебя.

Ачамоло в изумлении распахнул глаза.

— Идем со мной.

Жуцзин увел его к самому краю оазиса, подальше от лагеря.

[Тик-так, тик-так... Новичок вышел на тропу войны. Он сжимает свой хлипкий ножик, словно последнюю надежду. На пути ему встретился серый волк. "О, дорогой волк, пощади меня!" — "Нет, если только ты не спляшешь со мной!"] — Ли Ле, греясь у огня, напевал про себя дурацкую песенку.

«Слушай, Система, может, перестанешь меня доставать?» — огрызнулся Ли Ле.

[Тик-так... Злой волк и милый новичок кружатся в танце под луной. Ветер поет им, и когда смолкает музыка — нож новичка вонзается волку в горло...] — Ли Ле продолжал самозабвенно мурлыкать.

[А-а-а, как же ты надоел!] — Система мысленно заткнула уши, пытаясь спастись от завываний.

[Волк смотрит в упор: "Хрип-хрип... мы же договорились играть, а ты меня убил в конце танца..."] — Песня резко оборвалась. Ли Ле уставился на пламя костра так, словно видел там кровного врага.

«Слушай, Система, подключись к передатчику на одежде Жуцзина. Я хочу слышать каждое слово». Его взгляд стал пугающе холодным. «Если он действительно решил всё испортить... если он действительно...»

Систему пробрало до костей от этого тона. [Когда ты успел прицепить прослушку? Если он тебе мешает...]

Ли Ле, не отрываясь от танцующих языков пламени, тихо закончил:

«... Тогда я убью его в самом конце танца».

— Стоп! — Он вдруг замер, а затем в ярости сжал кулаки. — Твою мать! О чем с ним говорить?! Зачем он раздевается перед этой чертовой четкой?!

Жуцзин сбросил одежду, обнажая свое тело перед Ачамоло.

В лунном свете его плоть казалась серой и безжизненной, словно камень. Жуцзин горько улыбнулся:

— Он всё еще человек. А я — уже нет.

Ачамоло, не веря своим глазам, дрожащей рукой коснулся раны — той самой, которую Жуцзин нанес себе недавно. Она почти затянулась, но края её превратились в холодный камень.

— Как... как это возможно?

— Он убивал меня. Раз за разом.

Ачамоло пошатнулся и отступил на два шага, отчаянно качая головой:

— Нет... быть не может...

Жуцзин указал рукой в небо:

— Он сорвал меня с небес, уничтожил всё, что мне было дорого, и отрезал путь домой. — Он шагнул вплотную к бусине, глядя с невыносимой мукой. — Тысяча двести лет!

— Каждое утро и каждый вечер, пока расцветают и падают листья, я терплю пытки! — Он прижал пальцы к животу Ачамоло. — Чувствуешь? — спросил он с покрасневшими глазами. — С каждым вдохом меня пронзает лезвие.

Он зашел Ачамоло за спину и резко хлопнул в ладоши над его ухом:

— Слышишь?! С каждым моим мигом в ушах гремит гром, а молнии раздирают тело!

Ачамоло зажмурился, не в силах это слушать.

— Я давал ему всё, в чем он нуждался. А он предал меня в самый важный момент, уничтожил мою жизнь, мой путь, мою мечту... мой меч! — Жуцзин сжал кулаки, его плечи мелко дрожали.

Он на миг прикрыл глаза, а затем посмотрел в бездонное ночное небо. Голос его стал хриплым:

— Я думал, может, у него были причины. Думал, может, он придет и попросит прощения.

Звезды в пустыне сияли невероятно ярко. Они рассыпались по темно-синему бархату, словно смеющиеся искры, наблюдая за суетой людей.

Жуцзин глухо произнес:

— Но теперь это не важно. Мою боль не забрать. Мой гнев не унять. Единственное, что я могу — это не видеть его.

Он снова встал перед Ачамоло и вдруг замер:

— Ты почему плачешь?

По лицу Ачамоло, по его левой щеке, медленно катилась слеза.

Сердце Жуцзина пропустило удар. Он резко отвернулся.

— Что я могу для тебя сделать? — спросил Ачамоло.

И тут же, не дожидаясь ответа, прошептал:

— Я сделаю тебя снова человеком. И очищу твое сердце от яда ненависти.

Жуцзин лишился дара речи.

За свою жизнь он совершил немало подвигов, он вступался за несправедливо обиженных, но он никогда, ни разу не проливал слез над чужой бедой.

Отец еще в детстве заметил в нем искренность и доброту, поэтому направил его на Путь чувств, считая, что он идеально подходит сыну.

Жуцзин вырос именно таким, как предсказывали учителя: страстным, порывистым, не скрывающим своих эмоций. Лишь его друг, даос Сюйчань, качал головой, утверждая, что Жуцзин сбился с пути.

Тот лишь смеялся в ответ:

«Неужели я должен стать таким же сухарем, как ты? Не смеяться, когда весело, не плакать, когда горько? Скрывать гнев и не пить вино, когда душа поет? Это ты называешь Путем чувств?»

Сюйчань лишь вздыхал и возвращался к переписыванию сутр.

«Ты и впрямь веришь, что идешь по Пути чувств?» — в мире темных боевых искусств Ли Ле задал ему тот же вопрос, так же отрицая его путь.

Тогда Жуцзин пропустил это мимо ушей, считая, что никто не смеет судить его. Но сейчас, глядя на Ачамоло, он вдруг спросил себя:

«А плакал ли я хоть раз в жизни — за себя или за другого?»

Нет. Никогда.

Он был баловнем судьбы, гордым и своенравным. Он не видел причин для слез. Любую боль он превращал в ярость. А может ли быть по-настоящему чувствующим тот, кто не умеет плакать?

И под изумленным взглядом Ачамоло, впервые в жизни, из глаз Жуцзина покатались слезы. Он наконец-то научился плакать — оплакивая свой разбитый вдребезги путь.

[Ого... Расположение упало на 5 баллов. Лао Ли, ты в полете~] — Система состроила кислую мину.

Ли Ле застыл, словно каменное изваяние.

Пухлый комок в его голове заерзал: [Лао Ли, ты чего замолчал? Удар слишком сильный?]

«Он заплакал», — внезапно произнес Ли Ле.

[А? Что?] — Система замерла. [Может... может, тебе пойти и утешить его?]

Ли Ле смотрел на угасающий костер. Его взгляд был пуст.

«Он думает, что слезы спасут его от меня? Ха. Даоцзунь Жуцзин, ты решил поиграть? Ну что ж. Я покажу тебе, на что способен человек, потерявший пять баллов!»

Система в ужасе забила в дальний угол сознания.

Этой ночью она еще раз десять сообщала о падении уровня расположения. В сумме Ли Ле потерял около восьми баллов. Для человека, который провел в этом мире тысячу лет ради финального куша в сто тысяч, это было невыносимо. В отместку Ли Ле устроил в своем сознании настоящий концерт, распевая жуткие песни, от которых Системе хотелось лезть на стену.

Когда часы перевалили за десять, Лао Ту, наконец, подал голос, напоминая всем об отдыхе. Он распределил дежурства. Собираясь развести Жуцзина и Ли Ле по разным сменам, он наткнулся на странный, почти безумный взгляд Лу Цинсюэ, вздрогнул и в итоге поставил их в одну пару. Ачамоло хотел было попроситься к ним, но Лао Ту одним суровым взглядом отправил его спать.

В ночной тишине Жуцзин подбросил дров в костер. Внезапно со спины его обхватило чье-то горячее тело.

— М-м-м... — раздался довольный стон прямо над ухом. — Даоцзунь Жуцзин — самый удобный в мире объект для объятий!

Жуцзин холодно хмыкнул и резко ударил локтем назад:

— Удобнее твоих чёток?

Ли Ле ловко перехватил его руку и, воспользовавшись моментом, поцеловал Жуцзина в плечо прямо через ткань.

— Чётки можно только носить с собой. Куда им до Даоцзуня? Ты и собой хорош, и бегаешь за мной по всем мирам.

Снова издевки.

Жуцзин задохнулся от ярости, его голос задрожал:

— Животное! Нелюдь!

Ли Ле внезапно повалил его на землю и навалился сверху. Он приблизил свое лицо так близко, что Жуцзин перестал видеть луну. Их дыхание смешалось.

Ли Ле усмехнулся:

— Опять ругаешься.

Жуцзин ответил ему взглядом, полным ледяной ненависти.

Ли Ле состроил обиженную мину, словно ребенок:

— Даоцзунь Жуцзин просто ужасен. Бьет меня, ножом тычет, грязью поливает, еще и обзывается! Совсем совести нет!

— У кого тут нет совести?! — взорвался Жуцзин.

— У тебя, у тебя! Только у тебя! — Ли Ле начал ерзать, притираясь к нему всем телом, и вдруг притворно ахнул, заливаясь краской: — Ой... Ох! Как же так! Не стыдно тебе?

Жуцзин почувствовал, как между его бедер уперлось что-то твердое и горячее. От ярости у него потемнело в глазах.

— Пошел вон! Живо!

<http://bllate.org/book/17530/1706433>